Проблема исследования современных культов причерноморских адыгов-шапсугов и их трансформации

Сакральные места причерноморских адыгов-шапсугов принято считать исчезающими, однако детальное исследование показывает наличие двух разнонаправленных процессов, связанных с культурной памятью этого народа. С одной стороны, исчезновение из культовой практики общественных молений привело к переориентации сакрального в область народных этических норм и правил поведения. С другой стороны, наблюдается тенденция к переходу культовых практик в классических сакральных местах из области общественного в область семейного и личного, что закрывает доступ постороннему человеку, исследователю, к информации об этих культовых практиках. Доступ к ней требует высокого уровня доверия, который может бытьработан лишь при прямом общении с конкретными информантами.

Автору удалось выработать иной метод, через многолетнее ведение популярных блогов в социальных сетях как в текстовом, так и в видеоформате, посвященных культуре и истории изучаемого народа. Эти информационные каналы, вкупе с поддержанием определенных этических правил их использования, позволили сформировать широкую и лояльную аудиторию среди представителей изучаемого народа всех возрастных и гендерных групп и с широким географическим охватом. Они позволяют выходить на связь с информантами напрямую, без третьих лиц и получать личную информацию как лицу, известному информанту и в его глазах заслуживающему достаточного уровня доверия для раскрытия информации такого уровня.

Ключевые слова: *популяризация, полевые исследования, этнография, культы, традиции, модернизация, глобализация, Кавказ, причерноморские адыги-шапсуги.*

Штыбин

Виталий Владимирович,
*независимый исследователь,
Кубанский государственный
университет (Краснодар,
Российская Федерация),
v.shtybin@yandex.ru*

В современной научной практике сложилось мнение, что культовые места черкесов (адыгов) в результате трагической и сложной истории этноса оказались преимущественно утеряны, а сакральное пространство сместилось в сторону этических норм, в отличие

от современных традиций соседних абхазов. На мой взгляд, такой вывод связан с общим кризисом полевых исследований в области верований, вызванным изменением отношений исследователя-информанта в наше время и падением уровня межличностного доверия в условиях краткосрочных полевых исследований. Мне удалось выработать собственный метод, через многолетнее ведение популярных блогов в социальных сетях, как в мультимедийном (через личный аккаунт Instagram) так и в видеоформате (YouTube канал «Этнографика», раньше – «Заметки о Черкесии»), посвященных культуре и истории изучаемого народа. Эти информационные каналы, вкупе с поддержанием определенных этических правил их использования, независимой позиции, направленной на подачу научно-исследовательской информации в научно-популярном изложении, сформировали широкую и лояльную аудиторию среди представителей изучаемого народа всех возрастных и гендерных групп и с широким географическим охватом. Они позволяют выходить на связь с информантами напрямую, без третьих лиц и получать личную информацию как лицу, известному информанту и в его глазах, заслуживающему достаточного уровня доверия для раскрытия информации такого уровня [30, с. 432–435].

В 2017 г. был создан видеоблог в YouTube «Этнографика» [32], в 2018-м – Instagram-канал @shtybin_on_air [33], в котором в формате студийных лекций, интервью и графических роликов публикуются познавательные выпуски об истории Северо-Западного Кавказа и культуре народов, его населяющих. Развитие личного бренда и популярность такой формы подачи информации сделала проекты известными в кругах людей, интересующихся историей и культурой региона. Около 60% аудитории каналов – представители различных корен-

ных народов Кавказа, включая зарубежную диаспору (для них создаются субтитры), так как для них эта тема особенно интересна. Благодаря им удастся получать сведения из семейных архивов, оперативную информацию с мест в регионе и организовывать опросы, выборы и сбор информации, другие мероприятия, нацеленные на сохранение исторического наследия. Еще 40% аудитории – представители казачества и духовенства, гиды, работники музеев, образовательных учреждений, представители различных родственных этносов Кавказа и других стран мира. Многие внутрироссийские мигранты, прибывшие в Краснодарский край в последние годы, с интересом относятся к местной истории и культуре коренных жителей. Бренд стал живым организмом, благодаря которому сегодня удастся реализовать просветительские проекты. Благодаря деятельности каналов, ставших своего рода нерегулярными узкоспециальными электронными СМИ, удастся оперативно привлечь внимание к любой тематике, имеющей значение для жителей региона.

Еще одной формой работы стала организация этнографических экспедиций. Одна из них была проведена осенью 2018 г. в аулах адыгов-шапсугов Причерноморья на пожертвования аудитории каналов. За 24 дня удалось собрать материал по истории аулов и семей, культуре, традициям, современным жизненным реалиям жизни [27]. Визуальный ряд был обеспечен видео- и фотосъемкой. Такой подход принес большое количество новых контактов и вызвал интерес не только российской аудитории, но и местных жителей, которые охотно делились своими историями и знаниями.

По итогам было решено выбрать два направления для популяризации культуры народа в этом проекте – организация фотовыставки и публикация книги о причерноморских адыгах-шапсугах. В 2019 г. фотовыставка

Екатерины Штыбиной «Горы и люди» прошла в выставочных залах и музеях Краснодар, Новороссийска, Майкопа и Нальчика [9]. Научно-популярная книга «Танцы, горы и каштановый мед», посвященная истории Северо-Западного Кавказа, культуре и быту причерноморских адыгов-шапсугов, вышла в издательстве Ridero в 2020 г. [31]. В 2021 г. в микрорайоне Лазаревское Большого Сочи был запущен бесплатный аудиогид по истории и культуре причерноморских адыгов-шапсугов «Культурный код Шапсугии», разработанный при поддержке компании «МТС» [6; 10].

Вернемся к научным исследованиям. Что же удалось установить благодаря применению этого метода?

Традиционная трактовка понятий традиционной черкесской (адыгской) религии представляет собой спорный вопрос в науке и обществе. С начала XIX века среди исследователей устоялась точка зрения о том, что черкесское (адыгское) язычество представляет собой классический божественный пантеон с множеством разнородных по функциям божеств [3, с. 624–625; 4, с. 84; 8, с. 91; 28, с. 46]. Существует и иной взгляд на устройство традиционной черкесской (адыгской) религии, как на форму единобожия. Согласно этой точки зрения, единственным «настоящим» божеством может признаваться лишь Тха (Тхьэ, Тхашхо, Тхьэшхуэ, «Великий Бог») – создатель законов мироздания и этического кодекса, чье имя позже было частично замещено аналогом – мусульманским «Аллах» [26, с. 133–145; 28, с. 43, 47].

Несмотря на разницу в трактовке устройства традиционной черкесской (адыгской) веры, обе точки зрения одинаково описывают ключевые воззрения, которые отразились в культовой практике черкесов (адыгов). В совокупности можно выделить несколько базовых обрядов, связанных с наиболее устойчивыми

культами: культ Тха и связанные с ним ритуалы «Тхатлеу» – общей групповой или индивидуальной молитвы Богу, культ грома или молнии Шибле (Щыблэ), известный также как «Шибласха», – ключевой, наиболее распространенный и консервативный элемент традиционной веры.

Обрядовые особенности культов Тха и Шибле глубоко связаны с почитанием священных деревьев и могил людей, убитых молнией, которые представляют собой своего рода ретрансляторы высших сил в человеческом мире. Все элементы язычества интегрированы в культ молнии – моления перед крестом в священной роще, под священным деревом или у священной могилы убитого молнией, воздушное погребение, культы священных деревьев, рощ, лесов, гор, почитание козла и его жертвование, ритуальные танцы «Шибле-удж» и «Ажегафа» («маска козла») [7, с. 217; 24, с. 48–59]. Шибле привычно относят к божественному пантеону или главному Богу, но по содержанию он является скорее выразителем воли Тха или просто грозным природным явлением, получившим персонификацию в религиозных представлениях.

Одним из самых распространенных культов, связанных с Шибле, считается обряд вызова дождя. В прошлом он насчитывал более десятка вариантов, однако к настоящему времени сохранилось лишь три формы – моление под священным деревом или у священной могилы, «Ханцегуашэ» и вынос воды из священного озера Хуко [5].

Культовые практики, связанные с образом небесного кузнеца Тлепша, занимают второе по значимости место в черкесском (адыгском) мировоззрении и неразрывно связаны с почитанием Шибле. В священные деревья причерноморские адыги-шапсуги вбивают металлические предметы, символы смешения культа Шибле

с другим обширным культом небесного кузнеца Тлепша [25, с. 109–110]. Активно используются металлические предметы в свадебной и похоронной обрядности. Есть и другие типы обрядов, посвященные иным образам-духам.

Большинство сохранившихся до наших дней культов причерноморских адыгов-шапсугов можно разделить на следующие типы:

- общие, включающие все разновидности индивидуальных, семейных и групповых молитв «Тхатлеу»;
- обряды вызова дождя, состоящие из различных вариаций обряда «Ханцегуашэ», молитв у священной могилы и локальной формы, связанной с озером Хуко;
- свадебные и погребальные обряды, в которых присутствуют второстепенные элементы.

Как и в прошлом, сегодня чаще всего обряд «Тхатлеу» проводится весной, когда жители аула собирают средства на покупку жертвенного быка, которого закалывают с молитвой к Богу о благополучии жителей и о хорошем урожае. Вареное мясо быка раздают малоимущим семьям. В прошлом эфенди участвовали в обряде, который представлялся как «Ханцегуашэ», но имел точно такую же обрядовую форму, но сегодня они чаще осуждают обряд и говорят о его аналогии в мусульманской традиции [2, с. 87].

В наши дни «Тхатлеу» нередко подменяет собой обряды, которые в более ранних источниках имеют иное название, а порой и назначение, и были связаны с иными духами / божествами традиционной религии.

Рассмотрим типы культовых практик подробнее. Культовые молитвы «Тхатлеу» представляют собой молитвенные обращения к Богу с тем или иным вопросом. Священное место для выполнения такого обряда может быть любым. Обряд проводится индивидуально, пред-

ставителями рода, либо принимает общеаульную форму. Последний вариант автору на Черноморском побережье наблюдать не приходилось. Чаще всего обряд «Тхатлеу» проводится весной, когда жители аула собирают средства на покупку жертвенного быка, которого закалывают с молитвой к Богу о благополучии жителей и о хорошем урожае. Вареное мясо быка раздают малоимущим семьям. В ауле Кургоковский Успенского района Краснодарского края аналогичный шапсугскому ритуал проводился в 2020 году на поляне на возвышенности с юго-востока аула как месте красивом с точки зрения традиционной культовой эстетики. Представители местного мусульманского духовенства считают такой ритуал неправильным, дублирующим мусульманскую его версию, но его организаторы с ними не соглашались. Хотя в прошлом эфенди участвовали в обряде, который представлялся как «Ханцегуашэ», но имел точно такую же обрядовую форму.

Особая форма обряда «Тхатлеу», исследованная этнографами Евгением Шиллингом и Сергеем Токаревым в 1939 г., сложилась в ауле Тхагапш у могилы убитого молнией мальчика в урочище Жориштам. Связанные с этим местом обряды до недавнего времени проводил жрец Юсуф Калъевич Тлиф [17]. Помимо классических обрядов вызова дождя у этой могилы сложился частный вариант, практикуемый при призыве молодого человека в армию, уходящий корнями к молениям в священных рощах перед боем [11]. Такой обряд проводился в 2006-м. Молодой человек с ночи купался и чистил одежду. Утром, он в сопровождении жреца и родственника (друга), приходил к могиле, где жрец просил за него у «мальчика» (так называют дух убитого молнией) покровительства и защиты. После молитвы жрец разрезал лепешку, которую присутствующие ели, а молодой человек должен был снять старый лоскут

с ветки стоящего рядом с могилой дерева и заменить его своим. Этот лоскут он должен был сохранять весь период службы в армии, а после демобилизации обряд повторялся с возвращением лоскута на дерево и благодарностью покровителю [21]. В 1995 г. молодых людей, призванных на службу в Чечню, отправляли с проведением этого обряда, который, по мнению информанта, спас их от гибели, все они вернулись [20]. Такой же ритуал проводили в 2000-е гг. и в соседнем ауле Калез в долине р. Аше [18]. Напомним, подобный обряд с использованием цветных лоскутов материи применялся черкесами (адыгами) в прошлом для исцеления от болезней, как элемент симпатической магии. Функциональные элементы обряда также напоминают ленточки или платки, которые в священных рощах повязывали на шею, давая какой-либо зарок-обет после молитвы или спасаясь от преследования в случае совершения преступления.

К могиле урочища Жориштам люди приходили и с обычными просьбами, которые сопровождались типичным обрядом «Тхатлеу». Местные жители также рассказывают о некоей женщине в советский период (1950–1980-е гг.), которая могла видеть и слышать «мальчика» и передавать его послания жителям. Некоторые считали ее ведьмой [18; 20].

Обряд «Ханцэгуашэ» («Хьэнцэгуашэ») долгое время был самой распространенной формой обряда вызова дождя не только у причерноморских адыгов-шапсугов, но и в других черкесских республиках Кавказа. Его в той или иной форме вспоминают информанты старше 30 лет. Популярность этого ритуала в черкесских (адыгских) аулах оказалась настолько велика, что их проводят по сей день, а большинство респондентов разных возрастов, с которыми приходилось общаться автору, всегда с ностальгией вспоминают обряд. Для них

«Ханцегуашэ» – важный маркер памяти и этнического самосознания.

Опрос информантов, проведенный в 2020 г. среди жителей черкесских (адыгских) аулов как на Черноморском побережье, так и в северокавказских республиках, показал, что обряд сегодня приобрел форму детского праздника и утратил сакральную суть [29]. Взрослые участвуют в обряде минимально и только на уровне подготовки. Более того, «женско-детская» специализация обряда привела к тому, что люди старшего поколения и все мужчины, которые в нем полноценно никогда не участвовали, редко его вспоминают. Например, информант из пос. Головинка близ аула Большой Кичмай сообщал, что «настоящий» обряд «Ханцегуашэ» проводился в ауле в 1992–1993 гг. [15]. Обряд проводится по сей день по единому сценарию, в котором финальная часть с купанием в реке стала опциональной. Дети участвуют в обряде самостоятельно и после обхода домов, кидают чучело в реку, а полученные средства тратят на свое усмотрение. Как и в прошлом, такие обряды могут проходить до несколько десятков раз подряд до достижения результата в виде дождя [12; 13].

Другие две версии обряда вызова дождя состоят в принесении к священному дереву или могиле убитого молнией пирожков *матаз* и *хафып* с молитвой о дожде. Такой ритуал проводят жрецы из какого-либо рода, знающие молитвы и технику проведения обряда.

При опросе жителей в причерноморских аулах в 2018 г. информанты сообщали противоречивую информацию о проведении обрядов под священными деревьями [14; 16; 19; 23]. По всей видимости, такая ситуация связана с некоторой сакральностью отношения к ритуалу и боязнью критики со стороны мусульманской части общества. В ауле Агуй-Шапсуг такой критике

подвергались молодые люди, которые несколько лет назад попытались восстановить ритуалы молений под священными деревьями. В результате они предприняли попытку провести опрос с видеосъемкой старейших жителей аула о проведении в прошлом традиционных культовых обрядов и отношении старших жителей к традиционной религии [1]. При этом информанты просили автора не публиковать запись, что, видимо, связано с продолжающимся конфликтом. Ситуация давления привела к уходу восстановленных культовых практик на индивидуальный и семейный уровень при общей их закрытости для постороннего наблюдателя.

Обряд вызова дождя с доставкой воды из высокогорного озера Хуко считается крайней мерой, когда иные обряды не действуют. Он проводился в последний раз в ауле Большой Кичмай в 2013 г. представителями родов Гвашевых и Хушт. Обряд представляет собой одну из форм обрядового вызова дождя, но в последнее время более напоминает попытки реконструкции образов традиционной культуры, чем настоящий религиозный культ [22]. Для его проведения жители аулов Хаджико, Калез, Тхагапш или Большой Кичмай отправляли группу местных жителей на высокогорье к священному озеру, воду из которого необходимо было аккуратно принести и вылить в реку, строго соблюдая обрядовые правила под руководством жреца, либо привязать бутылку и подержать ее в реке некоторое время под «охраной», чтобы ее не унесло течением [3, с. 214–215].

Свадебная культовая практика сохранила применение ножа для снятия фаты с невесты, металлических предметов при входе молодой в дом. Погребальная практика все еще сохраняет требование подкладки под голову или на грудь усопшего острого предмета для мужчины и ножниц для женщины, а чаще – ножниц и для

мужчин, и для женщин. Традиционно считалось, что это предохраняет тело усопшего от опухания.

Этими культовыми практиками исчерпывается современное ритуальное культурное поле причерноморских адыгов-шапсугов, общество которых подверглось значительной модернизации в условиях глобализации, включая трансформацию смыслов старых культов на новый лад. Таким образом, в современное время некогда обширные культы, включая главный из них, посвященный Шибле, свелись к редким обрядам, исполняемым малыми группами жителей причерноморских адыгских-шапсугских аулов на основе смешения реальной памяти их предков и этнографических источников нового времени. В одних случаях ритуалы остаются закрытыми и иногда по-новому осмысляются на уровне личности или семьи (как моления под деревьями и у могил), а в других оказываются максимально открытыми, реконструируются или адаптируются для повышения туристической привлекательности (обряд озера Хуко), либо детского развлечения («Ханцегуашэ»).

В качестве заключения отмечу, что сакральные места причерноморских адыгов-шапсугов сегодня принято считать исчезающими, однако исследование показало наличие двух разнонаправленных процессов, связанных с культурной памятью этого народа. С одной стороны, исчезновение из культовой практики общественных молений привело к переориентации сакрального в область народных этических норм и правил поведения, с другой – имеется тенденция к переходу культовых практик в классических сакральных местах вроде священных деревьев и могил из области общественного в область семейного и личного, что закрывает доступ постороннему человеку, исследователю, к информации об этих культовых практиках. Доступ к ней требует высокого уровня доверия, который может быть разрабо-

тан лишь при прямом общении с конкретными информантами. Полученные в ходе исследования данные подтвердили обе тенденции и позволили установить факт сохранения старых священных мест и их использование в закрытой от посторонних форме. Кроме того, удалось установить сохранение ряда традиционных практик, подвергшихся переосмыслению или десакрализации в современных условиях. Фиксация сохранившихся культов причерноморских адыгов-шапсугов, осмысление особенностей их современного бытования, в частности такого процесса как гибридизация традиционных культовых практик, остается важной задачей этнографического исследования региональной черкесской (адыгской) культуры.

Литература:

1. Агуй Шапсуг – рассказы про обряды (черкесский язык) // YouTube. 2019. URL: <https://youtu.be/MmtC5-9EJpA> (дата обращения: 07.08.2021).
2. Васильков В.В. Очерк быта темиргоевцев // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1901. Т. 29. С. 71–122.
3. Гарданов В.К., Петров А.И. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик: Эльбрус, 1974. 635 с.
4. Де Мариньи Т. Путешествие по Черкесии. Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие вокруг Кавказа: у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму. Т. 1 / Пер. с англ., подг. к изд. В.М. Аталикова; предисл. А.И. Мусукаева. Нальчик: Эль-Фа, 2002. С. 1–84.
5. Кудин М.И. Обряды вызывания дождя у современных шапсугов Причерноморья / М. И. Кудин // Сочинский краевед: сб. ст. Сочи, 2000. Вып. 9. С. 17–21.
6. Культурный код Шапсугии // izi.Travel. URL: <https://izi.travel/ru/8cc8-kulturnyy-kod-shapsugii/ru> (дата обращения: 08.07.2021).
7. Лавров Л.И. Из поездки в черноморскую Шапсугию летом 1930 г. // Советская этнография. 1936. № 4–5. С. 19–31.
8. Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Описание очевидца Теофила Лапинского (Теффик-бея) полковника и командира польского отряда в стране независимых горцев. Нальчик: Эль-Фа, 1995. 136 с.
9. Люди и горы. Быт и традиции причерноморских адыгов-шапсугов // Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына.

- URL: <https://felicina.ru/news/ljudi-i-gory-byt-i-tradicii-prichernomorskih-adygov-shapsugov/> (дата обращения: 08.07.2021).
10. МТС запустил в Сочи бесплатный аудиогид для туристов «Культурный код Шапсугии» // Коммерсантъ. 29.06.2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4879044> (дата обращения: 08.07.2021).
 11. Несколько указаний о десантах (отрывки) // Морской сборник: журнал Военно-морского флота. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1865. № 2. С. 503–504.
 12. Обряд Ханцегуащ, с. Дейское [Видеозапись] // zurida.mamhyagova: [Instagram]. 04.08.2017. URL: <https://www.instagram.com/p/BXX8PU6Fs6W/> (дата обращения: 07.08.2021).
 13. Обряд Ханцегуащ, с. Псыгансу [Видеозапись] // psygansu_07: [пост Instagram]. 04.08.2017. URL: <https://www.instagram.com/p/BXX8PU6Fs6W/> (дата обращения: 07.08.2021).
 14. ПМА (Полевые материалы автора). Ачмизов Х., Ачох Р. Информанты, жители аула Псебе. Записано со слов 20.10.2018.
 15. ПМА. Басте А. Информант. Житель Головинки, микрорайона Большого Сочи. Записано со слов 07.11.2018.
 16. ПМА. Нагучев С., Мафагел С. Информанты, жители аула Агуй-Шапсуг. Записано со слов 24.10.2018.
 17. ПМА. Тлиф С. Информант, житель аула Тхагапш. Записано со слов 25.08.2020.
 18. ПМА. Ту Т. Информант, житель аула Калез. Записано со слов 30.10.2018.
 19. ПМА. Тхагушева М. Информант, жительница аула Малое Псеушко. Записано со слов 23.10.2018.
 20. ПМА. Чачух А. Информант, жительница аула Тхагапш. Записано со слов 06.11.2018.
 21. ПМА. Чачух Т. Информант, житель аула Тхагапш. Записано со слов 06.11.2018.
 22. ПМА. Шхалахов А. Информант, житель сел. Цыпка. Записано со слов 28.11.2018.
 23. ПМА. Шхалахов Ш. Информант, житель аула Наджиги. Записано со слов 03.11.2018.
 24. Святилища абхазов и святые места адыгов: сравнительно-типологическое исследование: монография / Гл. ред. А.Н. Соколова; сост. А.Н. Соколова, Б.С. Хотко (Агрба); Адыгейский гос. ун-т. Майкоп: ИП Магарин О.Г., 2015. 174 с.
 25. Хотко С.Х. Черкесия: генезис, этнополитические связи со странами Восточной Европы и Ближнего Востока (XIII–XVI вв.). Майкоп: Адыгейское респ. кн. изд-во, 2017. 544 с.
 26. Чумичева О.В. Парадоксы «черкасской веры»: между исламом, христианством и языческими традициями // Археология и этнология Северного Кавказа. 2017. № 7. С. 133–145.
 27. Шапсугская экспедиция (Ч. 1): [YouTube-канал «Этнографика»]. 2019. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=R9sTGZigXhw> (дата обращения: 08.07.2021).
 28. Шортанов А.Т. Адыгская (черкесская) мифология и культы. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2016. 496 с.
 29. Штыбин В.В. Друзья, возник такой вопрос! // Shtybin_on_air: [Instagram]. 25.08.2020. URL: <https://www.instagram.com/p/CEUIQ6yHSPA/> (дата обращения: 07.08.2021).

30. *Штыбин В.В.* Опыт исследований фольклора и обычаев Причерноморских адыгов-шапсугов // Сборник статей победителей 70-й конференции ФИСМО в рамках молодежной недели наук КубГУ, 8–12 апреля 2019 г. Краснодар: КубГУ, 2019. С. 432–435.
31. *Штыбин В.В.* Танцы, горы и каштановый мед // Этнографика: сайт личных проектов Виталия Штыбина. URL: <https://shapsug-book.ru> (дата обращения: 08.07.2021).
32. Этнографика // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/channel/UC-E7kRxuXaU5Suc7QY5WjxA> (дата обращения: 08.07.2021).
33. Shtybin_on_air // Instagram. URL: https://www.instagram.com/shtybin_on_air (дата обращения: 08.07.2021).

Vitaly Shtybin,

*Independent Researcher, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation),
v.shtybin@yandex.ru*

The problem of the study of modern cults of the Black Sea Adygs-Shapsugs and their transformation

The sacred places of the Black Sea Adygs-Shapsugs are considered to be disappearing, but a detailed study shows the presence of two multidirectional processes associated with the cultural memory of these people. On the one hand, the disappearance of public prayers from the cult practiced led to a reorientation of the sacred into the field of folk ethical norms and rules of conduct. On the other hand, there is a tendency towards the transition of cult practices in classical sacred places from the public to the family and personal, which closes the access of an outsider, a researcher, to information about these cult practices. Access to it requires a high level of trust, which can only develop through direct communication with specific informants.

The author managed to develop a different method through many years of maintaining popular blogs on social networks, both in text and video format, dedicated to the culture and history of the studied people. These information channels, coupled with the maintenance of certain ethical rules for their use, allowed forming a wide and loyal audience among representatives of the studied people of all age and gender groups and with a wide geographical coverage. They allow you to contact informants directly, without third parties, and receive personal information, as a person known to the informant, and deserving, in his eyes, of a sufficient level of trust to disclose information of this level.

Keywords: popularization, field research, ethnography, cults, traditions, modernization, globalization, Caucasus, Black Sea Adygs-shapsugs.